

В Династии Цин чиновников никогда не оставляли служить на родине — таков был непреложный закон двора. И ради чего, спрашивается, они тащились за тридевять земель, покидая сытые, богатые уезды ради этого дикого, продуваемого всеми ветрами пограничья? Да только ради звонкой монеты, и ни ради чего больше.

Но мало было до зубов зазубрить законы государственной службы. Здесь, на краю земли, требовалось умение ладить с местными, притереться к ним, стать своим. Иначе любой указ, спущенный сверху, так и останется пустой бумажкой, застряв в глухом неприятии упрямого люда.

А ведь их господин до сих пор даже не соизволил пригласить к себе в ямынь троих старост трех деревень, державших в руках все окрестные поселения, чтобы просто сесть рядышком да потолковать по душам. Да что там говорить: даже на праздник Дуанью эти почтенные старцы не посчитали нужным явиться к новому уездному судье с поклоном и подарками. Вместо них прислали обычных деревенских старост.

Мол, старцы совсем одряхлели, долгая дорога им не под силу, вот и отправили молодых старост отвезти господину уездному судье скромные подношения — чисто из уважения к его неусыпным трудам.

Но господин Ма даже бровью не повел. Ладно бы делом, так он и словом об этих старцах не обмолвился. А ведь в самую макушку лета, когда зной стоял невыносимый, прилично было бы послать старикам какое-нибудь снадобье от жара или хотя бы коробку прохладного машевого печенья — пустяк, а уважение выказал бы.

Куда там! Господину уездному судье было глубоко плевать на местных. Он с головой ушел в дразги собственного гарема: то ублажал законную супругу, то мирил капризных наложниц, а в перерывах зажимал по углам смазливых служанок.

В его покоях с утра до ночи раздавался девичий смех, шуршали шелка да пахло сладкими благовониями. Не плати судья Ма столь щедрое жалованье, оба личных советника давно бы плюнули на все, собрали пожитки да убрались восвояси.

Шутка ли — кто тут вообще уездный судья, они или он? Получают гроши личных советников, а тащат на себе весь уезд.

— Ладно, зовите его, — уныло махнул рукой господин Ма.

Делиться серебром для него было все равно что резать по живому, но деваться некуда — кусок плоти отдать придется.

Вскоре в кабинет вошел регистратор Сюй. Выслушав откровенные излияния господина уездного судьи и его личных советников, он не выдержал и снисходительно усмехнулся:

— Господин уездный судья, уважаемые советники, вы хоть понимаете, где находитесь? Это уезд Бычьего Рога! Тот самый уезд, который отстраивали из пепла после войны. Он не просто числится на особом счету в Министерстве налогов — о нем сам император знает!

Троица переглянулась, их лица вытянулись. О такой важной детали они как-то не подумали.

— Более того, — продолжал Сюй, не заботясь о приличиях, — бывший наш уездный судья, господин Ду Мин, уехал отсюда не в опалу. Его повысили до префекта управы Бэйфэн, а это ваш прямой начальник. В лихолетье он, обычный гражданский чиновник, грудью встал на защиту уезда Бычьего Рога. Даже когда враги прорвали оборону и ворвались на улицы, он не сбежал, а дрался плечом к плечу с простыми солдатами до последнего вздоха! Сам, собственной рукой сжимал тесак в гуще сечи, у него на груди до сих пор шрамы от тех сабельных ударов красуются. Да тут у каждого второго местного парня руки по локоть в крови, они вместе с ним воевали! Если вы решите обобрать их до нитки, неужто думаете, что эти головорезы станут молча терпеть ваши поборы? Смотрите, как бы дело не кончилось народным бунтом из-за судейского произвола...

— Ерунда! — взвился господин Ма, багровея от ярости и стыда. — Я пекусь исключительно о казне уезда! Три года полыхал пожар войны, три года люди не платили ни единой монеты податей. Сейчас — первый мирный год, когда пришло время собирать налоги, и я обязан держать ответ перед двором и лично перед императором! Какой еще бунт? Да я посмотрю, кто посмеет пикнуть! У северных ворот стоит лагерем регулярная армия. Пусть только попробуют взбунтоваться — живо всех в бараний рог согну!

Регистратор Сюй лишь насупился и промолчал.

«Армия у него за воротами, как же, — мысленно усмехнулся Сюй. — Да ты на Дуанью солдатам даже завалящего гусиного яйца не послал, а туда же — регулярные войска! Ты ведь небось даже не знаешь, в какую сторону ворота этого лагеря открываются»

Личным советникам эти речи тоже пришлось не по вкусу. Регистратор Сюй выставил их ненасытными стяжателями. И пусть доля правды в его словах была, зачем же так грубо резать правду-матку прямо в глаза? Ведь господин Ма облагодетельствовал Сюя, утвердив на этой должности. Мог бы и каплю благодарности проявить, мерзавец!

Но упрекать Сюя в неблагодарности было глупо. Напротив, именно потому, что он искренне желал уездному судье добра и прекрасно понимал здешнее положение вещей, он и пытался уберечь нового хозяина от непоправимой глупости. Люди на границе жили суровые, нравы царили дикие. Судья Ма едва успел ссадить задницу с повозки, а уже тянет свои загребушие лапы к налогам. Да он сам себе яму роет!

Кем был Ду Мин? Человеком острого ума, сумевшим превратить верную гибель в триумфальный взлет по карьерной лестнице. Благодарные жители уезда Бычьего Рога преподнесли ему невиданный дар — «зонтик от десяти тысяч граждан». Если судья Ма по истечении срока своей службы уедет отсюда с пустыми руками, не получив от уезда даже

доброго слова, он же от собственной досады лопнет!

Да и слухи о подвигах прежнего судьи наверняка докатились до самого императора. Префект Ду Мин теперь фигура при дворе заметная, имя его на слуху, и он костями ляжет, но не даст в обиду жителей уезда Бычьего Рога, ставших для него родными. Эти упрямыцы смогли сотворить «зонт от десяти тысяч граждан»? Так они с тем же рвением накатают «челобитную от десяти тысяч душ» и отправят ее в столицу, обвинив нового судью в притеснении мирного люда. И что тогда господин Ма запоеет, когда за ним прибудет конвой?

<http://bllate.org/book/19387/1997457>